

Борис Носик

Gnädiger Herr Rolf

*Часть сборника
Пионерская Лолита (сборник)*

Борис Носик
Gnädiger Herr Rolf

«Автор»

1998

Носик Б. М.

Gnädiger Herr Rolf / Б. М. Носик — «Автор», 1998

"Осеннее солнце было по-летнему жарким, но с океана дул холодный ветер, что нередко случается в нежной Эссауре. Не только что на пляже, но и на эспланаде крепости близ медных пушек мне было в тот день не усидеть. Ветер сдувал белую пену волны, сдувал бумаги моих черновиков, с которыми полвека уже мыкаюсь по свету в надежде переписать свою жизнь наново, сдувал песчинки с камней – что ему стоило, такому ветру, сдуть и драгоценную песчинку моей жизни? В поисках убежища я углубился в петляющие узкие улочки медины, и по какой-то странной причуде памяти лабиринт этих улочек накладывался на лабиринт дорог моей прожитой жизни, вызывая в воображении за каждым новым перекрестком, поворотом и городским пейзажем какую-нибудь сцену ушедшего, забытое, казалось, ощущение или просто забытое имя..."

© Носик Б. М., 1998

© Автор, 1998

Борис Носик Gnädiger Herr Rolf

Осеннее солнце было по-летнему жарким, но с океана дул холодный ветер, что нередко случается в нежной Эссауре. Не только что на пляже, но и на эспланаде крепости близ медных пушек мне было в тот день не усидеть. Ветер сдувал белую пену волны, сдувал бумаги моих черновиков, с которыми полвека уже мыкаюсь по свету в надежде переписать свою жизнь наново, сдувал песчинки с камней – что ему стоило, такому ветру, сдуть и драгоценную песчинку моей жизни? В поисках убежища я углубился в петляющие узкие улочки медины, и по какой-то странной причуде памяти лабиринт этих улочек накладывался на лабиринт дорог моей прожитой жизни, вызывая в воображении за каждым новым перекрестком, поворотом и городским пейзажем какую-нибудь сцену ушедшего, забытое, казалось, ощущение или просто забытое имя. Тем временем мой здравый смысл, во всех этих меланхолических блужданиях никак не задействованный, нацелен был на свою узкую и вполне прозаическую задачу – поиски неподветренного закутка для работы. Так что в самом начале какой-то очередной, еще не вполне осознанной реминисценции (скорей всего, любовной, потому что стал вдруг явно ощутим запах молодой, загорелой кожи) взгляд мой безошибочно отыскал деревянную скамейку, укрытую от ветра, в тени, в углу ограды. Оценив скамейку, я оглядел и все огороженное пространство, посреди которого сверкал вполне скромных размеров плавательный бассейн, окруженный шумными полуголыми людьми. Люди галдели по-немецки, но иноязычный шум мне помешать не мог – скорее, напротив. Вероятность того, что они заговорят по-русски, по-английски или на худой конец по-французски, была небольшая. Дворик и скромный бассейн (я представил себе, как роскошно он выглядит на фотографиях в рекламных буклетах) принадлежали какому-то здешнему пансионату или отелю, а полуголые люди, ослепительно белые или уже сгоревшие докрасна, были, надо понимать, немецкие граждане, густо населяющие ныне все курортные зоны вокруг Европы. На краю бассейна, несмотря на ранний час, уже стояли во множестве бутылки и железные банки с пивом. Какая-никакая вода бассейна, теоретически пригодная для смачивания ног, была тут же, рядом, марокканское солнце щедро, без утайки изливало на иноверцев свой предполуденный жар, в общем, отдых был в полном разгаре, и люди эти веселились, как умеют веселиться на отдыхе одни только благоразумные немцы: приехал отдыхать – отдыхай, *viel spass!* филь шпасс! И атмосфера была, как любят выражаться французы, *bon enfant*: на каждую нехитрую шутку компания отвечала дружным, громким хохотом, который начинался и кончался как по команде – вроде того смеха на пленке, что звукорежиссеры «подкладывают» под каждую шутку (чаще всего несмешную или дурацкую) в юмористических телесериалах. Я подумал, что это – идеальная публика для театров и цирков, она будет бурно аплодировать и смеяться даже простому объявлению шталмейстера, даже его кашлю и чиху. Внешний облик отдыхающих не радовал глаз. Было несколько лысеющих румяных блондинов, похожих на моего покойного друга-еврея Сашу Некрича, но по большей части это были бледные горожане, чуть, или даже не чуть, слишком толстые – видно было, что они много ели и мало двигались. Отдых предоставил им возможность предаться обоим порокам... Выделялись, впрочем, в этой компании, две фигуры. Точнее, одна фигура и одно лицо. Фигура стояла спиной ко мне – молодая, светловолосая немочка с мягкой попой. А лицо принадлежало пожилому немцу – темное, точно дубленое лицо, хорошее лицо. Словно бы даже осмысленное. Но и женская спина тоже... Впрочем, я тут же одернул себя, напомним, что я не чужою попкой пришел сюда любоваться, а пришел работать. Я добрался до скамеечки и присел в тени. Меня заметили, мне кивнули благожелательно. Они вообще народ благожелательный, немцы. Помню, как я был потрясен этим открытием, попав впервые в ГДР, где путешествовал на попутках. Читать газеты я начал еще в пору своего военного детства и оттого твердо знал,

что хуже немцев нет на свете людей, а они вот были милы, вежливы, откровенны, благожелательны и щедры. А уж женщины... В общем, я тогда подверг ревизии еще один раздел своего детского образования...

Все-таки их дружный гогот несколько отвлекал меня от творческих, так сказать, мыслей. Даже не сам гогот, а чье-то пронзительное и странное бляенье, наподобие козлиного. Вглядевшись внимательней, я обнаружил, что блеет именно благообразная молодуха, прелестная спина которой... – кто б мог подумать? С другой стороны, что я вообще мог думать и гадать о характере и нравах молодух из малознакомой страны Германии? Ровным счетом ничего. Кто, кроме наглых политологов и страноведов, возьмется судить о чужих нравах и вкусах? Может, именно такой вот козлиный смех считается особо женственным и возбуждающим где-нибудь на склонах Гарца или в притонах Гамбурга?

...Немцы ушли на обед. Водные блики играли на глиняной ограде так, словно этот крошечный бассейн был морем. В тишине я дочитал книжку о первой русской эмиграции, снова удивившись тому, что меня до сих пор волнуют судьбы этих людей. Что было в их судьбах такого, что так берedit меня? Унижение? Горечь? Тоска? Неумение интегрироваться? Неумение забывать о прошлом? Гордыня? Нищенство? Попрошайничество?..

Я пошел на набережную и провел остаток дня в прогулках, дремоте и скромных радостях желудка. Назавтра в поисках знакомой по прежним приездам рыбозарки я пошел в Старый город и без особой цели заглянул в лавку старьевщика-ювелира. Из груды пыльных мусульманских украшений я выудил серебряный кулон – трубку с запаянными концами и арабской надписью. Надпись была, вероятно, молитвенная, да и внутри таких кулонов находится обычно бумажка с молитвой. То, что трубка, как правило, запаяна, придает ее нутру особую таинственность: а вдруг там какие-нибудь особенные, магические слова... В Москве у меня в кабинете висело с полдюжины этих «туморов». Мы покупали их в Душанбе у старика торговца, которого Володька Серебровский нежно называл Басмач. С Басмача начиналась моя московская коллекция, им и кончилась. Басмач исчез первым, теперь больше нет и московского дома...

– Это тумор, – сказал кто-то у меня за спиной по-русски. И нерешительно добавил что-то по-таджикски.

Я оглянулся. Давешний немец с дубленным лицом улыбался мне приветливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.